

Едва Гунсунь Сы вынес Чжао Фана на плече из покоев второго молодого господина, как из соседней комнаты вошел неописуемо красивый юноша.

Шум в этой спальне стоял такой, что он уже давно все слышал.

Увидев неподвижно лежащего на кровати Шэнь Сюаня, юноша сверкнул полными жажды убийства глазами. Он выдернул из волос шпильку и уже занес ее, собираясь вонзить в шею обидчика!

Но когда острая шпилька уперлась в горло, он так и не смог сделать это последнее движение.

На лице юноши медленно проступило страдание.

Острое острие шпильки медленно, невероятно медленно поползло вниз по шее Шэнь Сюаня, миновало грудь и остановилось у самого паха.

И там он вонзил ее со всей силы.

— У-у-у!

Шэнь Сюань очнулся от дикой боли.

Глядя на то, как тот извивается и воет от боли, красивый юноша улыбнулся.

Шэнь Сюань был потрясен до глубины души. В глазах юноши светилось такое ледяное безумие, что второй молодой господин, захлебываясь от ужаса, не мог даже вымолвить слова, лишь в оцепенении взирал на него.

— Больно?

Шэнь Сюань с трудом выплюнул изо рта тряпку:

— Больно!

У него болели руки, ноги, поясница – все тело ломило!

— Быстрее, позови лекаря.

Он ни за что не спустит это с рук той собаке-слуге, что посмела поднять на него руку!

Юноша смотрел на него с легкой усмешкой на губах:

— Где же я найду лекаря в такой поздний час? Даже лекарь Вэнь из резиденции маркиза уже наверняка спит.

— Или ты хочешь, чтобы он пришел и полюбовался, в каком ты сейчас виде?

Шэнь Сюань, разумеется, этого не хотел – так он только переполошит бабушку. — Ладно, позовем завтра утром. Помоги мне укрыться одеялом, я не могу пошевелиться.

— Не можешь пошевелиться?

Улыбка на лице красивого юноши стала еще шире:

— Ну и отлично.

«Отлично?»

«Что в этом отличного?»

Юноша наклонился к самому уху Шэнь Сюаня:

— Тебе ведь всегда казалось, что я получаю от этого огромное удовольствие?

— Сегодня я и тебе дам насладиться сполна.

Договорив, он снова запихнул тряпку в рот Шэнь Сюаня и забрался на кровать.

На следующее утро у Шэнь Сюаня не осталось сил даже на ругань. Ему было слишком стыдно звать лекаря, поэтому он просто лежал на кровати и тихонько стонал.

Чжао Фан, видя, что раны главного героя уже затянулись, решил первым делом отвести его к могиле кормилицы, а затем придумать, как вернуть его к главной героине.

Учитывая их нынешнюю крепкую мужскую дружбу, главный герой ведь не станет в будущем пытаться его убить?

У Чжао Фана не было завышенных запросов, лишь бы сохранить жизнь.

Поэтому, закончив рассказывать семнадцатую главу «Сна в красном тереме», Чжао Фан отпросился у старой госпожи на полдня, сказав, что хочет сводить сяо Гу прогуляться.

Старая госпожа специально велела дать Чжао Фану немного серебра, чтобы они могли купить себе все, что захочется.

Хотя в воспоминаниях прежнего владельца тела старая госпожа тоже была доброй, сейчас ее доброта казалась просто безграничной.

Она относилась к Чжао Фану как к собственному внуку.

Однако Чжао Фан был человеком из современного мира и не видел в этом ничего сверхъестественного, считая ее просто ласковой и заботливой бабушкой.

Пользуясь нарисованной от руки картой, которую ему раздобыл Фугуй, Чжао Фан пришел к месту захоронения кормилицы главного героя.

Это был самый простой земляной холмик, у которого криво торчала деревянная табличка без единой надписи.

Чжао Фан мысленно отругал Фугуя за такую топорную работу и бережно поправил дощечку:

— Матушка, не сердитесь на нас. Молодежь нынче бестолковая, проявили неуважение, виноваты, виноваты.

Пробормотав это, Чжао Фан достал из дорожной сумки благовония и ритуальные бумажные деньги:

— Сяо Гу, поклонись своей матери.

Гунсунь Сы, увидев эту могилу, мгновенно почувствовал, как у него защипало в глазах. Все эти

годы кормилица заботилась о нем с бесконечной нежностью, и каждое воспоминание о ней было выжжено в его сердце.

Как Чжао Фан смеет?

Как он смеет так спокойно стоять перед ее могилой?

Неужели ему совсем не страшно?

Гунсунь Сы с трудом подавлял бушующую в груди ненависть. Неужели этот мерзавец не боится, что он убьет его прямо здесь?

Нет.

Не боится.

Ведь Чжао Фан думает, что он потерял память и считает его своим спасителем.

Гунсунь Сы крепко сжал кулаки, в его покрасневших глазах закипела жажда крови.

Место здесь глухое и безлюдное – идеальный приют для покойника.

Гунсунь Сы пристально смотрел в затылок Чжао Фана, раздумывая, не забить ли его до смерти прямо сейчас, чтобы принести жертву духу кормилицы.

Заметив, что Гунсунь Сы застыл как изваяние, Чжао Фан поторопил его:

— Ну же, поклонись.

— Пусть ты и не помнишь прошлого, но поверь мне: твоя мать была по-настоящему великой женщиной.

— Она кормила тебя, одевала, вырастила и оберегала от всех бед. И пусть она не смогла дать тебе роскошной жизни в парче и золоте, она сделала все, что было в ее силах.

«По крайней мере, ты остался жив, и это – величайшая заслуга кормилицы».

Хотя она была лишь второстепенным персонажем, самоотверженность матери главного героя действительно вызывала уважение.

— Женщине в одиночку выжить в этом жестоком мире невероятно трудно.

— Отбей ей три земных поклона. Она заслужила это.

Если судить по сословиям, то Гунсунь Сы был господином, а кормилица – служанкой. Господин ни в коем случае не должен склонять голову перед слугой.

Но Чжао Фан обращался не к свергнутому наследнику престола Гунсунь Сы, а к маленькому нищему Гу Сы.

Кормилица спасла Гу Сы жизнь.

Три земных поклона предназначались спасительнице.

Гунсунь Сы без колебаний опустился на колени и почтительно отвесил три глубоких поклона,

касаясь лбом земли.

Но сделал он это не из-за слов Чжао Фана, а потому что всем сердцем чтит кормилицу. Он считал ее своей матерью, единственной матерью в этом мире.

А что касается той высокомерной женщины в императорском дворце...

С ней его больше ничего не связывало.

К великому удивлению Гунсунь Сы, Чжао Фан опустился на колени рядом с ним и тоже трижды ударил челом о землю.

— Почему ты кланяешься?

Чжао Фан ответил без запинки:

— Твоя матушка – почтенная покойница. Нам, младшему поколению, положено оказывать уважение.

Гунсунь Сы мысленно усмехнулся, но вслух разоблачать его не стал:

— Брат Чжао, ты говорил, что на нас с матерью напал злодей, ты спас меня, а мою мать толкнули, и она умерла.

— Как выглядел тот злодей? Из чьего он был дома? Ты можешь мне рассказать?

Чжао Фан, когда узнал о потере памяти главного героя, наплел первое, что пришло в голову, лишь бы втереться к нему в доверие, и совсем не подумал о последствиях.

И вот пожалуйста: одна ложь порождает лавину новой лжи.

Чжао Фан поначалу хотел выдумать еще какую-нибудь отговорку, но, посмотрев на могилу кормилицы, заросшую травой уже на полфута, понял, что у него просто не повернется язык снова врать.

Пусть даже не он лично убил эту женщину, но прежний владелец тела и он теперь единое целое.

Кто поверит, что они разные люди?

Даже покойная кормилица под землей в это не поверит.

— Сяо Гу, прости меня. Это я погубил твою мать, а потом соврал тебе.

Чжао Фан опустил голову, точно напроказивший ребенок.

— Тем злодеем, который издевался над вами, был я.

Он глухо стукнулся лбом о землю еще дважды:

— Я виноват перед тобой и перед твоей матерью. Казнить меня или миловать – воля твоя.

Гунсунь Сы никак не ожидал, что Чжао Фан так легко признается в содеянном, и на мгновение даже растерялся.

Однако Чжао Фан все же тихонько попытался оправдаться:

— Я сделал это не нарочно...

— Если, конечно, тебе от этих слов станет хоть немного легче.

Договорив, Чжао Фан уткнулся лбом в землю еще ниже, не смея поднять глаз на главного героя.

После долгого, томительного молчания Гунсунь Сы наконец заговорил. Его голос слегка охрип, в нем зазвучала неподдельная боль:

— Зачем же ты тогда приютил меня?

Гунсунь Сы прекрасно понимал: если бы Чжао Фан тогда не забрал его, с такими тяжелыми ранами он точно не выжил бы.

Чжао Фан сомневался, стоит ли говорить правду.

Если бы он не спас его, его бы все равно подобрала главная героиня. Он ведь главный герой этого мира, так просто умереть ему не суждено.

<http://bllate.org/book/18123/1739335>